

Дэвид Мисселбрук

Специесизм, или ВИДОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ

Большинству из нас превосходство людей над животными кажется очевидным фактом. Тем не менее, сейчас некоторые утверждают, что подобные идеи являются вопиющей дискриминацией, оправдывающей наши злоупотребления по отношению к животным, и нам следует всячески осуждать их как проявления специесизма. Однако христиане, нисколько не умаляя ценности животного мира, считают, что Бог наделил человека уникальным статусом и ролью.

До недавнего времени споров об относительном статусе человека и животных практически не велось — главным образом потому, что и христиане, и гуманисты отводили человеку особое место в естественном мире. Христиане видят в человеке существо, сотворённое по образу и подобию Бога, а гуманисты считают, что особый статус человека основан на том, что тот обладает высокоразвитым разумом, самосознанием и способностью принимать нравственные решения.

Благодаря этой общей точке зрения на статус человека, и гуманисты, и христиане признают высокую ценность человеческой жизни. Именно это позволяет обоим лагерям достигать согласия по большинству повседневных вопросов — например, относительно четырёх основных принципов медицинской этики: принцип «делай благо» (подчёркивающий обязанность врача предпринимать позитивные шаги для улучшения состояния пациента), принцип «не навреди» (требует минимизации ущерба, наносимого пациенту при медицинском вмешательстве), принцип уважения к автономии пациента и принцип справедливости (в основном, в смысле справедливого

распределения ограниченных медицинских ресурсов).

Одним из последствий этого консенсуса стало множество соглашений и деклараций о «правах человека» и попытки разных стран пересмотреть своё законодательство с тем, чтобы оно защищало права отдельного человека.

Однако в последнее время это уютное сосуществование начало разрушаться, так как и христианское, и гуманистическое мировоззрение всё чаще ставятся под сомнение. Многие называют наше время постхристианским, потому что наши современники куда реже основывают свои этические рассуждения и решения на христианском мышлении и принципах.

Точно так же многие говорят, что мы постепенно движемся к постгуманистическому обществу. Джон Грей в своей захватывающей книге «Соломенные псы»¹ называет гуманизм «светской религией, состряпанной из гниющих останков христианского мифа».

Гуманизм возник из философии Просвещения XVIII века, стремившейся дать рациональные и научные объяснения природе и существованию человека. Согласно гуманизму, человек обладает особым статусом благодаря разуму, самосознанию и способности ощущать. «Человек отличается и определяется своей субъективностью, способностью сознательно, рационально мыслить и задавать вопросы, — утверждает нейробиолог-гуманист Кенан Малик. — Именно благодаря этому мы можем спросить себя, что значит быть человеком, и ответить на этот вопрос»².

Однако современные учёные всё больше убеждаются в том, что другим животным, пусть в меньшей степени, но всё же присущи некоторые из тех качеств, которые мы привыкли считать исключительной прерогативой человека. В результате, в логике гуманистического обоснования чёткого разделения между людьми и другими животными, возникла серьёзная неувязка. Если животные обладают теми качествами, которыми гуманисты определяют сущность и ценность человека, тогда у людей

уже нет права на особый статус. Фактически, это очередной гвоздь в гроб гуманизма.

Вот почему такие философы, как Питер Сингер (США) и Джон Харрис (Великобритания) принижают ценность новорождённых и инвалидов³. Они считают, что умное животное заслуживает защиты куда больше, чем новорождённый младенец или слабоумный. Подобные выводы вызывают немало беспокойства, но, по сути дела, являются всего лишь логическим продолжением постгуманистического мышления.

В свете этих перемен нам следует задуматься о сущности человека и спросить себя, есть ли у нас основания утверждать, что человек изначально обладает большей моральной ценностью, чем животные.

Нет уникальных качеств

Гуманисты говорят, что их утверждения о превосходстве человека основаны на рациональных выводах, сделанных в результате объективного наблюдения. Проблема заключается в том, что имеющиеся сведения становятся всё более и более сложными.

Взаимоотношения

Учёные подчёркивают, что животные, от муравьёв до человекообразных обезьян, действуют внутри социальных групп. Знаменитые исследования Джейн Гудалл, работавшей с шимпанзе и гориллами, показывают сложность их взаимоотношений и социальных структур⁴. Правда, тут возникает целый ряд вполне обоснованных вопросов: например, о том, какая доля их поведения определяется инстинктами, а какая является следствием свободного выбора и волеизъявления, характеризующего человеческое общество.

По всей видимости, некоторые группы животных обладают примитивным осознанием понятий «хорошо» и «плохо»⁵. Этот рудиментарный нравственный кодекс основан на двух правилах, обеспечивающих взаимную

ответственность, а именно: «ты мне, я тебе» и «глаз за глаз, зуб за зуб».

Язык

Изучение животных, находящихся в неволе, привело некоторых учёных к выводу о том, что при определённых условиях шимпанзе способны освоить элементарные языковые навыки. Горилла, научившаяся языку глухонемых, может набрать 85—95 баллов по тесту Стэнфорд-Байнета, что ставит её в один ряд с людьми, чьи умственные способности развиты ниже среднего⁶. Хотя изучать дельфинов и китов намного сложнее, у нас есть основания полагать, что они обладают высокоразвитыми социальными функциями и системами коммуникации. Статья, опубликованная в журнале «Наука» (Science) также анализирует лингвистические способности длинношёрстной шотландской овчарки⁷.

Но природа этой коммуникации также остаётся неясной. Лингвисты утверждают, что язык — это врождённая способность, изначально заложенная в человека по самому его строению. Эта «встроенная» способность даёт нам возможность взаимодействовать с миром, где мы можем воспринимать и создавать смысл. При этом система коммуникации, которую люди используют для выражения этого смысла (например, русский, английский язык или язык глухонемых), является всего лишь средством выражения этой врождённой способности. И хотя животные действительно общаются между собой, в учёных кругах всё ещё ведутся споры о том, обладают ли они способностью к языку или просто используют ограниченный набор стандартных сообщений.

Орудия труда

Наблюдения за поведением животных в диких условиях показывают, что многие из них изготавливают и используют простые орудия для охоты, добывания пищи и иногда в качестве средств защиты. И хотя эти орудия являются очень примитивными, сам факт их существования указывает на то, что люди — не единственный вид, способный изготавливать подобные инструменты.

Закрытый вид

Даже понятие отдельного вида уже утратило свою незыблемость. Ключевым аспектом в определении вида

является то, что члены одного вида способны производить жизнеспособное потомство друг с другом, но не с членами другого вида. Однако пример серебристой чайки показывает, что это определение нельзя считать адекватным. В Британии серебристые чайки обладают белой окраской и способны производить потомство с серебристыми чайками восточных регионов Америки. Американские серебристые чайки спариваются с чайками, живущими

на Аляске, а чайки с Аляски — с чайками из Сибири. Чем дальше на запад, тем мельче они становятся, и тем больше в их оперении появляется чёрных вкраплений. Если продолжать двигаться дальше на запад, мы снова попадаем в Британию, где эти птицы называются уже морскими чайками, не способными спариваться с серебристыми чайками.

На основании всего этого профессор зоологии Оксфордского университета Ричард Докинз делает вывод, что если бы не вымерли все «недостающие звенья», мы и сейчас имели бы непрерывный спектр особей, заполняющих разрыв между приматами и человеком⁸. А в этом случае, говорит он, все заявления об особом статусе человека оказываются несостоятельными. Эти наблюдения и выводы ставят под сомнение различные доводы в пользу того, что человек обладает уникальным моральным статусом.

Что сказано в Библии

Было бы неверным утверждать, что Библия приписывает человеку совершенно иную природу по сравнению с другими животными. Как раз наоборот: в Книге Бытие подчёркивается сходство принципов, лежащих в основе взаимоотношений всех живых существ с Богом. В первой главе Книги Бытие и животные, и люди создаются на шестой день. И те, и другие сотворены из «праха земного», жизнь и тем, и другим даёт

Бог, а древнееврейские слова «дыхание» (*руах*) и жизнь / душа (*нефеш*) употребляются по отношению как к человеку⁹, так и к животным^{10,11}.

Однако люди получают возможность вступить с Богом в особые отношения¹². Бог велит им дать названия животным (или взять на себя заботу о животных)¹³ и тем самым придаёт им более высокий статус¹⁴. Кроме того, предполагается, что, несмотря на свой особый статус, люди призваны служить остальному творению, а не возвышаться над ним¹⁵.

Возникновение специесизма

Впервые всеобщее внимание к специесизму привлёк Питер Сингер, опубликовав в 1975 году книгу «Освобождение животных», хотя сам термин был придуман психологом Ричардом Райдером ещё в 1970 году. Специесизм — это дискриминация в отношении животных или злоупотребление ими со стороны людей на том основании, что человек по определению и по природе является более высшим существом. Людей обвиняют в несправедливости подобного поведения, потому что в отдельных случаях превосходства человека над животными просто не наблюдается.

Эта позиция основана на классическом утилитаристском убеждении, что человеческая жизнь как таковая не обладает ценностью, но может вмещать в себя такие ценные «вещи», как самосознание, разум, разнообразные чувственные переживания, взаимоотношения, надежды на будущее. Наблюдения показывают, что животные также обладают некоторыми из перечисленных качеств.

В 1995 году, опираясь на эволюционную связь между человеком и другими животными, Сингер пошёл на шаг дальше и продемонстрировал сходство ДНК шимпанзе и ДНК человека. В середине 1970-х годов учёные объявили, что ДНК человека и шимпанзе совпадают на 99%, хотя в последние годы эта цифра была снижена до 95%¹⁶.

Кроме того, Сингер обращается к работам натурфилософа XVII века Джона Локка. Локк определял человека как «мыслящее рациональное существо, обладающее разумом, рефлексией и способное осознать себя как то же самое мыслящее существо в иные времена и в иных местах»¹⁷. Сингер заключает, что большинство людей старше двух лет соответствуют этим критериям и,

таким образом, являются личностями, но новорождённых и инвалидов с серьёзными повреждениями мозга таковыми назвать нельзя. В то же самое время многие другие приматы (например, шимпанзе и гориллы) соответствуют критериям определения Локка и, таким образом, могут считаться личностями.

Тем самым Сингер не пытается сказать, что животные обладают равной ценностью со всеми людьми. Он всего лишь говорит, что личность и моральная ценность не являются исключительно человеческой прерогативой. Он делает два главных вывода. Во-первых, он говорит, что высшие животные (и особенно приматы) обладают таким же качеством личности и такой же моральной ценностью, что и люди — пусть обычно в меньшей степени, — и поэтому мы должны признать за ними ряд неотъемлемых прав. Во-вторых, он призывает нас «признать, что качество человеческой жизни бывает разным»¹⁸, и говорит, что придавать большую ценность человеку, страдающему серьёзными повреждениями мозга, нежели нормальному шимпанзе, будет проявлением специесизма. Кроме того, он доказывает приемлемость убийства новорождённых детей с дефектами, а также убийства людей с тяжёлой формой слабоумия и серьёзными повреждениями мозга — в том случае, если имеется согласие их родных.

Джон Уайатт называет этот аргумент «кортикалистским»¹⁹, говоря, что Сингер определяет ценность животного на основании того, как функционирует кора его головного мозга. Это позволяет ему проводить политику дискриминации против особей со слабой функцией мозга. Таким образом, мы просто имеем дело с новой формой дискриминации, когда те, кто стоит у власти, проводят границы так, как это выгодно им самим. Если бы власть выбирать критерии для присвоения особого статуса была дана, например, белкам, они, наверное, обозначили бы такие критерии, как ловкость и умение держать равновесие, а деревья выбрали бы размер и долголетие!

Аргументы партикуляристов

Одной из попыток защитить гуманистические принципы было развитие «партикуляризма» — позиции, утверждающей, что люди обладают друг для друга особым статусом

просто потому, что являются членами одного вида. Это мышление основывается на глубоком внутреннем ощущении ценности человеческой жизни; именно оно, говорят партикуляристы, заставляет нас относиться к людям по-особенному не из-за какой-то нравственной теории, а из-за того, что мы интуитивно распознаём их ценность.

Партикуляризм явно привлекает тех, кто хочет сохранить для человека особый статус, не обращаясь для этого к Богу. Более того, он утверждает, что человеческая природа сама по себе наделяет человека неотъемлемой ценностью, но это не мешает нам высоко ценить жизни других животных и организмов.

Одна из сторонниц этой позиции Дженни Тејхман, профессор философии Кембриджского университета, приводит следующую аналогию. По определению, млекопитающие выкармливают детёнышей молоком; и хотя мужские особи никогда не выкармливают детёнышей молоком, при этом они всё равно остаются млекопитающими²⁰. Поэтому же принципу, новорождённые и инвалиды с повреждениями мозга всё равно относятся к нашему виду, даже если они неспособны делать всё, что делают другие. Таким образом, ценностью обладает сама человеческая жизнь, а не только человеческий опыт и переживания.

Imago Dei и человек

Согласно христианскому мышлению, для того, чтобы быть личностью, совсем не обязательно быть человеком. В конце концов, мы даже Бога видим как единственного, но существующего в трёх Лицах, и при этом никто не утверждает, что Бог-Отец и Святой Дух являются людьми²¹. Иудаизм, христианство и ислам считают, что человек обладает в тварной вселенной особым статусом, основываясь на повествовании о сотворении мира в Книге Бытие. Вот как там говорится о сотворении мира, рыб, птиц и животных: «И сказал Бог: да произведёт земля душу живую...»²² Однако когда речь заходит о создании человека, терминология меняется. В Книге Бытие сказано, что «сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию (Imago Dei) сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»²³. Таким образом, уже в рассказе о сотворении мира мы видим, что человека связывают с Богом уникальные духовные отношения.

Люди всегда спорили о том, что значит «образ Божий», или Imago Dei. В IV веке аудигане, отколовшиеся от сирийской христианской церкви, утверждали, что Imago Dei предполагает физическое сходство.

Другие подчёркивали иные свойства и качества. Августин (354—430) говорил, что признаками Божьего образа являются разум и волеизъявление. Жан Кальвин (1509—1564) видел Божий образ в человеческой способности принимать этические решения, а философы Просвещения, такие как Рене Декарт (1596—1650) и Иммануил Кант (1724—1804), — в способности делать разумный выбор. Согласно Канту, чтобы принимать подлинно нравственные решения, человек должен быть способен делать рациональный выбор, будучи полностью свободным от всякого внешнего воздействия; источником и проводником этого выбора должен быть чистый разум. Она называет это свойство автономией. Любые решения, принятые под воздействием эмоций, человеческой природы или иных внешних влияний, подавляют нашу автономию. Кант называет это гетерономией и говорит, что её источником является наша человеческая природа. Кант считал, что определяющей чертой разумной человеческой личности является то, что она не связана простыми биологическими инстинктами, но может с помощью рациональных мыслительных процессов планировать сознательные действия²⁴.

В XX столетии Эмиль Бруннер (1889—1966) видел Божий образ в общечеловеческой потребности во взаимоотношениях и подчёркивал критическую важность любви. Карл Барт (1886—1968) пошёл на шаг дальше и сказал, что ключом к пониманию здесь является фраза «по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их», и что супружеские отношения отражают в себе троичность Божьей сущности как Отца, Сына и Святого Духа.

Пожалуй, во всех этих теориях есть доля истины. Все они частично отражают библейское понимание Божьей природы. Однако нам следует помнить, что людям свойственно определять Божий образ в свете наиболее популярных в их время воззрений. На данный момент особенно высоко ценятся интеллектуальные способности, так что не стоит удивляться, что признаком «Божьего образа» люди чаще всего считают разум. Вот почему многим христианам становится не по себе, когда они слышат, что высшие приматы могут

обладать коэффициентом интеллекта до 90 и способны формировать сложные социальные отношения.

Но всё это никак не отвечает на главный вопрос. Кем бы ни был Адам, высокоразвитой обезьяной или совершенно иным, отдельно созданным существом, «образ Божий» не зависит от нашего IQ или умения успешно налаживать социальные связи. Он строится на Божьем решении вступить с человеком в совершенно особые отношения.

Ни один научный аргумент не может ни опровергнуть, ни подтвердить иудео-христианское учение о том, что человек сотворён по образу и подобию Бога. Кроме того, многие люди принимают идею *Imago Dei*, так что утилитаристам, уважающим право человека самому определять собственное благо, не следует слишком быстро от него отмахиваться.

Последствия

Желание наших современников создать новую этику, пересекающую границы видов, вызывает целый ряд очевидных возражений. Может быть, с приматами нас действительно связывает некая доля сходства, но когда дело доходит до собак и свиней, их аргумент становится гораздо более шатким. Даже Сингер не решается упоминать в своих рассуждениях хищных животных. Ведь если устраивать мир по его принципам, нам придётся запретить львам убивать зебр и начать возбуждать уголовные дела против тигров, нарушающих закон. Эти абсурдные ситуации недвусмысленно показывают, что человек может создавать законы только для человека.

Многие сегодня озабочены тем, как люди относятся к животным, и эта озабоченность является совершенно обоснованной. Индустриальные сельскохозяйственные системы, разрушение естественной среды обитания, некоторые медицинские исследования, испытания косметических средств и оружия на животных являются неоправданными злоупотреблениями властью человека над другими видами. Христианам следует задуматься над тем, насколько наши методы управления планетой отражают природу взаимоотношений внутри Троицы, природу Божьего правления во вселенной и природу Божьего господства в Церкви. Можем ли мы называть себя заботливыми и любящими хозяевами своего мира? Или наши действия отражают совсем иной тип

владычества: жадное и равнодушное угнетение слабых? Нам нужно относиться к животным гуманно, но при этом не путать их статус со статусом человека как нравственного существа.

Следует отметить, что понятие специесизма как «ложного предрассудка», скорее всего, укрепитесь и обретёт популярность, если мы позволим животным страдать от людской жестокости как раз сейчас, когда у нас появляется всё больше возможностей продемонстрировать степень и значимость этих страданий.

Мысль о том, что человек обладает особым статусом по Божьему волеизволению, имеет важные последствия для инвалидов — и особенно для душевнобольных и слабоумных, если учесть современный упор на умственные способности. «[Люди с когнитивными дефектами] заставляют нас заново вспомнить о том, что, по сути дела, все мы равны, и наше равенство основано не столько на нашем естественном равенстве как членов человеческого рода, сколько на признании нашей общей человеческой природы», — пишет профессор философии религии Питер Брайн. «Если говорить конкретнее, — продолжает он, — эти люди заставляют меня признать, что я должен уважать другого человека как человека, вне зависимости от того, какую пользу я могу от него получить»²⁵.

Даже если общество примет постгуманистическое мировоззрение и откажется уважать все формы и проявления человеческой жизни, многие всё равно инстинктивно откажутся принижать статус человека, так как это будет противоречить их непосредственному человеческому опыту. К этим людям христиане могут обратиться с благой вестью о том, что человек действительно сотворён по образу и подобию Божьему, а значит, воистину увенчан «славою и честью» и поставлен «владыкою над делами [Божьих] рук»²⁶.

Медики как никто другой имеют прекрасную возможность видеть уникальную природу человека в действии. Специалист по этике и богословию Стэнли Хауэрвас пишет, что «медицина живо напоминает нам о нашем „естестве“... о том, что мы — телесные существа, страдающие от множества болезней и неуклонно приближающиеся к смерти. Однако одновременно медицина напоминает нам ещё и о том, что нашей „естественной“ средой обитания является сообщество, не

позволяющее страданиям отделять нас друг от друга»²⁷. Поэтому нам следует ещё и ещё раз доказывать, что люди — это не просто умные обезьяны, но одухотворённые Богом существа, призванные Им служить всему творению.

Дэвид Мисселбрук работает терапевтом в Южном Лондоне, интересуется вопросами медицинского образования и пишет статьи на медицинские темы.

Ссылки

- 1 Gray J. Straw dogs. 2003. London: Granta
- 2 Malik K. Man, beast and zombie. 2000. Pheonix. p390
- 3 Singer P. Rethinking life and death. 1995. Oxford: OUP. Chap 8
- 4 de Waal F. Chimpanzee Politics. 1982. London: Jonathan Cape
- 5 Patterson F & Gordon W. The case for the personhood of gorillas. In: The great ape project: Equality beyond humanity. Cavalieri P and Singer (Eds). 1993. London: Fourth Estate. pp58-9
- 6 Goodall J. In the shadow of man. 1971. Collins
- 7 Kaminski J, Call J & Fischer J. Word learning in a domestic dog: evidence for «fast mapping». Science 2004;304:1682-3
- 8 Dawkins R. Gaps in the mind. In: The great ape project: Equality beyond humanity. Cavalieri P & Singer (Eds). 1993. London: Fourth Estate. p82
- 9 Быт. 2:7
- 10 Быт. 1:20
- 11 Пс. 103:29-30
- 12 Быт. 1:26
- 13 Быт. 2:19
- 14 Быт. 1:28
- 15 Быт. 2:15
- 16 Britten RJ. Divergence between samples of chimpanzee and human DNA sequences is 5%, counting indels. Proc Nat Acc Sci. 2002; 99:13633-13635
- 17 Singer P. Rethinking life and death. 1995. Oxford: OUP. p190
- 18 Дж. Локк, «Опыт о человеческом разумении», 1690, русский текст см. на сайте: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000468/>. Книга II, глава 9, пар. 29
- 19 Уайатт Дж., «На грани жизни и смерти», Мирт:СПб, 2003.
- 20 The Definition of a Person. Philosophy. 1985; 60:175-185
- 21 Никейский символ веры, Никейский собор, 325 г. по Р. Х.
- 22 Быт. 1:24
- 23 Быт. 1:27
- 24 The Moral Law, translated by H.J.Paton. 1948. Hutchinson University Library. p106-109
- 25 Bryne P. Philosophical and ethical problems in mental handicap. 2000. Basingstoke: Palgrave. Chapter 3
- 26 Пс. 8:5-6
- 27 Hauerwas S. Suffering presence. 1986. Notre Dame: University of Notre Dame Press. p7